

В эмиграшке

В эмиграшке я завис, видно, основательно,
Променял родной дурдом на дурдом чужой,
Где открыл десятки мест достопримечательных,
Мимо коих, проходя, трогаюсь душой –

Вот мимо этого трактира,
Как пойду, бросает в дрожь –
Тут я в бытность мойдодыром
Отмывал от диша (dish) вошь (wash),
Вот тут я клинером батрачил,
И вот фигня – не вспомню дня,
Чтобы так, или иначе
Не заклинило меня.

В эмиграшке я завис недоинсталлирован,
Если б только выпал шанс кликнуть на «restart»,
То, наверно б, прежде чем пролететь полмира, я
Разузнал бы, что почём в тех дурных местах,

Где, как скалка в тесте сдобном,
Где, как ёлка в конфетти,
Утопал я в разнодjobном
Эмигрантском ассорти,
Где с улыбкой от Версаче,

Скупое шаря в кошельке,
Местный люд на мне рысачил,
Как Ершов на Горбунке.

В эмиграшке я завис, чую, окончательно –
Вот уж language с языком путаю подчас,
Но при виде этих мест на уме лишь... матерный...
То ли плача вспоминать, то ли хохоча.

Как в дерюге секондхендной,
Поснимавши серебро,
Сам себя роптать на бедность
Гнал пинком в Income - бюро,
Как нашёл себе забаву –
Чёрным вороном кружа,
Рыться в свалках, на развалах,
Да на сейлах в гаражах.

В эмиграшке я завис плотно, и теперича
Езжу гидом по местам славы трудовой,
Вновь прибывшим не найти лучшего Сенкевича –
Жаль, что многим опосля хочется... домой.

Параллель историй

Накину мысленно бейсболку Мономаха,
И подпояшусь тем же мысленным мечом,
Заправлю в джинсы домотканую рубаху,
И выйду, плюнув через левое плечо,
Туда, где, с наших точек зрения, глуповато,
С акцентом жутким резиденствует народ
В стране, что лихо обособилась когда-то
Путём разлома тектонических пород.

Когда тут первая нога сошла на берег –
Молчат папирусы, но, судя по всему,
Когда наш Нестор изводил гусей на перья,
Тут только страусы орали на луну,
Пока свергали мы татар монгольских иго,
Дивясь дикости незваных супостат,
На этом острове не рылась и мотыга,
Хоть предпосылок было больше, чем до ста...

Помимо птиц на склонах местных Кракатау
В борьбе с депрессией, за сотни лет до нас,
Тут нечто жуткое двуного обитало –
Сам Чарли Дарвин напугался б с пьяных глаз.
По ходу пьесы от приезжих стало тесно...
Когда же выяснилось, кто из них неправ,
Приезжих начали готовить повсеместно
Туристским способом – на углях без приправ.

А мы - то, грешники, и не подозревали,
Кака на острове Буяне хренотень –
Мы там со всяческим ягайлом воевали,
Что вечно лезло к нам, как тень через плетень.
Когда ж, завивши бигудями наши уши,
Петруха Первый начал строить корабли,
Тут было тихо, окромя того, что в буше
Последних страусов команчи извели.

И тут на подиум стремглав выносит Кука,
Что ни с Петром, ни с головою не дружил,
Он, то ли выпимши, а то ли – с перепуга,
До страусячьих этих выселок доплыл.
Когда ж он понял, что попал, как киви в ощиц,
О чём хысторики молчали до сих пор,
Он снова запил и, ругаясь как извозчик,
Состряпал, вражина, бесовский договор.

Пергамент вынесли на подпись монтесумам,
Тем, что по-ихнему секли хужей меня,
Те пошептались, и поставили угрюмо
В порядке кворума каракуль на полях,
Согласно тексту их прогнали восвояси,
Мол, нам и на фиг конкуренты не нужны,
Вот так вот с аглицкой брехни и началась
Официальная история страны.

И вот я, русский эмигрант в краю маоров,
Живу и всячески пытаюсь совместить
И двести лет со дня Вайтанги договора,
И тыщу лет со дня крещения Руси.

Цивилизация

Случилось чудо-жизнь доклацала
До перекрёстка двух эпох,
Живу в разгар цивилизации,
Весьма застигнутый врасплох
Таким обильем электроники
И сверхнемыслимых машин,
Что просто шарики за ролики
В мой-то сорок с небольшим.

Мы научились быть богатыми,
Считаясь бедными людьми,
Наш быт завален агрегатами,
И массой всяческой фигни,
Но всё ж, какую суперплоскую
В дом не притащишь дребедень –
Проснёшься утром, лопнешь со смеху –
Оно уже – вчерашний день.

Висит компьютер, и гнетущая
Догадка мается в груди –
Неужто ж это – то грядущее,
Что нам накаркали вожди?
Чем ширше мыслю о прогрессе я,
Тем убеждаюсь глубже –
Чем дальше скачет эта бестия,
Тем жизнь становится хуже.

Наверно были б мы счастливыми,
Скача макаками в стадах,
Но пращур наш – мурло ленивое,
Создал орудие труда,
И начал шлѐндать с ним по вечности,
В башку втемяшивши себе,
Что в удлинении конечностей
Есть смысл жизни на Земле.

Под покровительством бесчисленных
Перунов, Зевсов, Артемид
Нам насеклось таких немыслимых
Статуй, дворцов и пирамид,
Что, севши где-нибудь в Японии

Токсикоманить кислород,
Пришелец челюсть разрулонивал,
И трапом свешивал за борт.

И вкупе с этим неприличием
(Не при Капицах говоря),
Вы гляньте, сколько нахимичено
На вечной стройке бытия:
Всё спифагорено, ссокращено,
Обменделеено, и вот
Всё это где-то законтачено,
И не влезай, а то убьёт.

Уже вовсю греша всесилием,
Наука, надо полагать,
Свернувшись рогом изобилия,
Сама себе растит рога,
И точно Моська суетливая,
Не унимается она:
– Слона из мухи сотворила я,
Рожу же муху от слона.

И все плоды цивилизации –
Всё то, на что хватило сил,
Задоунлодили мерзавцы, и
Зазипповали на РС
Весь звук – в MP, весь текст – в Verdane, и
Весь цвет загнали в photoshop...
Осталось хакнуть обоняние –
Там будет вовсе хорошо.

Когда, мораль признав излишнею,
Весь мир засунут в микрочип,
Шаланда, полная айтишников
Водичкой в Стиксе зажурчит,
Харон взгребёт, пыхнув махорочкой,
И вмиг найдётся идиот,
Что сунет чип в микроволновочку,
И красну кнопочку нажмёт.

И мне, как умственно поддатому,
Обидно станет, аж до слёз –
Делить на ноль две трети атома

Мне в жизни как-то не пришлось,
Я опоздал на все открытия,
Вот и помру, не зная, как

Добраться за день до Юпитера,
Пять раз пописав в бензобак.

Но погружаемся в экстазе мы
В кручение мышкиных колёс:
Click-click, delete, и – пол Евразии –
В recycling bin - хвосту под пёс,
Сетиментальным стало общество,
Поскольку модно взаперти,
Подразделясь по веб-сообществам,
Сидеть и сетовать в Сети.

Ругая время быстротечное,
Налью три раза по полста...
Хвала судьбе – хоть что-то вечное
В текущей жизни я застал.
Вот так, друзья мои - соратники,
О чём бишь я ещё не спел?...
Hard-драйв опять накрылся ватником,
А я бекапнуть не успел.

Предчувствие ига (печатается в сокращении)

Чёрный ворон-лазутчик явился,
И холодом с юга
На дубовых церквушках
На север скосило кресты,
Промерцав до рассвета,
Луна не ушла, и над лугом
Заколдованным кругом
Комет распушило хвосты.

Всколосила сосна,
И пшеница подёрнулась хвоей,
На булате мечей
Проступила солёная кровь,
Но кругом тишина-
Только изредка с муторным воем

Вскинет бор вековой
Серой стаи лохматую бровь.

И пока ещё нет
Батогов ненавистного ига,
И над водами Калки
Не гнётся дощатый настил,
И в глаголице книг
Нет словес «нечестивый Батыга»,
И по градам и весям
Мужицких достаточно сил.

Плещет Волга искрой
Под кормой пышнопарусных стругов,
От варяга до грека
Несущих куницу и лён,
И купца с Ярославля
В степях почитают за друга,
И не тянут арканы
Босых ребятишек в полон.

Не подкуплена власть
Ярлыком беспощадного хана,
Брат на брата не в злобе,
И нож не таит в рукаве,
И не режут царевичей
Отроки царской охраны,
И не мечутся бабы
В объятой пожаром избе.

Перевил пояском взмокший лоб
Злато плавающий мастер,
Вьёт узорочья храма
Натруженных зодчих рука,
Топчет клевер долин
Статный конь сизо-дымчатой масти,
Что не знал до сих пор
Облачённого в сталь седока.

Солнце встало не там,
Лебедям разбагренило брюхо,
В устрашённой степи
Мертвецами легли ковыли,

Каменеет в ладонях
Бедняцкого хлеба краюха,
Да колодцы околиц
Отравлены кровью зари.

Вольно дышит Мушкаф,
Ладит мир новгородское вече,
Знает княжий приказ
Зоркий кречет, порхнувший с руки,
Но смолёной петлёй
Захлестнуло упругие плечи
Старика-рыболова
С низовьев Великой Реки.

За надвратного Спаса
Ещё не ложатся костями,
И под молотом в кузнях
Калятся лишь лемех и плуг,
Только полнятся думы
Дурными, худыми вестями-
Мол, идёт к порубежьям
Безбожный, языческий дух.

Больше времени нет –
Льются в бездну минуты покоя,
В буреломной глуши-
Где по вехам, а где – наугад
Пробираются люди,
Неся колкий страх за спиною
К теремам городов,
К алтарям патриарших палат.

Скоро грянет гроза,
Заскрипят по дорогам обозы,
Окружённые ратники
Встанут спиною к спине,
С горьким соком полыни
Сольются печальные слёзы
Рукотворных богов
На оставшейся чудом стене.

Минул час курултаев,
Теперь, убивая и грабя,

Понесутся лавины,
Крича "урагха" на скаку –
Ведь во чреве грядущего
Спят Пересвет и Ослябя,
И Бояном не сложено
Слов о погибшем полку.

Бьёт январская оттепель
Каплями, точно камнями,
И апрельские вьюги
Дороги в степях замели –
Там сутулые нукеры
Шьют облака бунчуками,
Там чужие копыта
Пробили покровы земли.

Под пером летописца
Изборник вскипел киноварью,
В титул новой главы
Лёг золою тот проклятый год,
Над безмерною Русью
Ветра залохматились гарью,
Как незванные вестники
Скорбных грядущих невзгод.

Но минуло грядущее,
Сулицей грянулось в ноги,
Криво сгорбило земли
Под натиском братских могил,
Став пергаментной пылью,
Забылись былые тревоги,
Не оставив на память
Ни тени, ни звука, ни зги.

Раскачались немые века
Стенобитным пороком,
На лету стрелы прошлого
Пойманы нашей рукой,
Но глядим мы на ржавчину
Юным, несведущим оком,
Как на призрачный миф
О земле бесконечно чужой.